В. Н. Килькеев

ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КЛИФФОРДА ГИРЦА И ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ США

Работа представлена кафедрой социологии
Смоленского государственного университета.
Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н. Б. Итунина

Статья посвящена рассмотрению идей известного американского культурного антрополога Клиффорда Гирца и их влияния на развитие постмодернистского направления в культурной антропологии США.

Ключевые слова: интерпретативная антропология, насыщенное описание, литературоведческий подход, постмодернизм.

The article considers ideas of the famous American cultural anthropologist Clifford Geertz and their influence upon emergence and development of the postmodernist movement in cultural anthropology of the USA.

Key words: interpretive anthropology, rich description, literary approach, postmodernism.

Гирц (Герц, Гиртц) Клиффорд (1926–2006) – американский культурный антрополог XX столетия, интеллектуальное влияние которого на исследователей признают не только на Западе. На Гирца ссылаются и достаточно часто цитируют его

отечественные философы, культурологи, социологи, социальные антропологи. При этом, как правило, речь идет о разработанном К. Гирцем методе культурного анализа. Между тем более глубокий подход к творческому наследию американского исследователя убеждает, что его следует рассматривать не только как автора действительно оригинального и достаточно плодотворно работающего метода изучения культуры, но и как создателя не менее оригинальной, обладающей значительным эвристическим потенциалом концепции культуры.

Гирц использовал понятие культуры в разных значениях: как «исторически устойчивый образ значений, воплощенный в символах», как «набор контрольных механизмов» – своеобразную программу для контроля за человеческим поведением, являющимся предельно пластичным. «Культура, – подчеркивал американский ученый, – поставляет нам связующее звено между тем, чем люди могут стать, благодаря своим врожденным способностям, и тем, чем они... становятся на самом деле» [1, с. 65]. Человек, как считает американский антрополог, – это компромисс между внутренне присущими ему наклонностями и его фактическим поведением. Культура же лишь один, но далеко не последний элемент, определяющий жизненный путь человека. Обобщающий же вывод Гирца таков: «Концепция культуры, которой я придерживаюсь... является по существу семиотической. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений» [1, с. 11].

Подчеркивая значимость концептуальной основы своей науки, Клиффорд Гирц предупреждает, что «культурная интерпретация обладает рядом особенностей, которые делают ее теоретическое обоснование затруднительным» [1, с. 33]. Между необходимостью понять и необходимостью анализировать возникает конфликт, который становится тем глубже, чем дальше развивается теория. Это во-первых. А во-вторых, теория культуры ничего не может предсказать. И тем не менее исследователь не должен чувствовать себя интеллектуально безоружным. Гирц ставит перед исследователями культуры две задачи: с одной стороны выявление концептуальных структур, наполняющих информацией и смыслом действия субъектов, а с другой – построение системы анализа, способной отделить влияние этих структур от других детерминант поведения человека.

Итак, согласно логике рассуждений К. Гирца, культурный анализ органически вытекает из семиотической концепции культуры. Он совершенно отличен от описательного подхода с типичной для него опорой на научный анализ и классификацию структурных феноменов. Изучение культуры для американского ученого скорее подобно интерпретации текста, чем классификации флоры и фауны. «Анализ культуры состоит (или должен состоять) в угадывании значений, в оценивании догадок и выведении поясняющих заключений из наиболее удачных догадок» [1, с. 28].

Культурный анализ как метод интерпретации культурных феноменов разработан Гирцем прежде всего как особый подход к этнографии. Американский антрополог выделил четыре особенности этнографического описания: 1) оно интерпретативно; 2) оно интерпретирует социальный дискурс; 3) интерпретация состоит в попытке спасти «сказанное» в этом дискурсе от исчезновения и зафиксировать его в доступной для дальнейших исследований форме; 4) оно микроскопично. Создавая «насыщенное описание»,

этнограф, по образному сравнению К. Гирца, как бы читает манускрипт, написанный на чужом языке, причем не общепринятым графическим способом передачи звука, а средствами отдельных примеров упорядоченного поведения [1, с. 17]. Антропологическое описание как интерпретация призвано проследить траекторию и содержание социального дискурса.

Отсюда понятно, что культурный анализ предполагает решающее значение роли исследователя как посредника, воссоздающего социокультурный контекст наблюдаемых действий. Антропологу многое приходится реконструировать, опираясь на интуицию и часто – на воображение. Такое направление мысли приводит Гирца к идее рассмотрения культуры как собрания текстов, а антрополога – как литературного критика. Именно в этот момент к анализу культуры становится возможным подключение герменевтических процедур. В процессе постижения смысла какой-либо культурной реалии антропологу как исследователю культуры приходится постоянно переходить от части, которая обретает значение только в контексте целого, к целому, которое актуализируется в виде отдельных частей. Такое бесконечное движение, заявляет американский ученый, является не чем иным, как «знакомой траекторией того, что Дильтей назвал герменевтическим кругом» [3, p. 69].

Подход, разработанный Клиффордом Гирцем в рамках американской культурной антропологии, явился выражением более широких тенденций развития эпистемологии и социогуманитарных наук во второй половине XX в. В частности, его последователям пришлось столкнуться с проблемами, связанными с традицией постмодернизма, пришедшей из литературоведения и философии, с проблемами формирования неклассической эпистемологии и переосмысления феномена научного знания. В рамках культурной антропологии этот процесс выразил себя во все большей «беллетризации» этой науки, приближении ее к литературоведению, что, на наш взгляд, было вызвано заимствованием ряда концепций, в том числе огромную роль сыграло изменение точки зрения на этнографию, которая стала рассматриваться как процесс производства текстов. Во многом толчком для развития этих идей стал курс лекций, прочитанных Клиффордом Гирцем в Стэндфордском университете в 1983 г., изданный позднее отдельной книгой [4]. В ней, проанализировав произведения ряда антропологов, сформировавших образец научного стиля этой дисциплины, он делает вывод о том, что их убеждающая сила зиждется вовсе не на неопровержимости предлагаемых научных фактов и концепций, а скорее на литературном таланте их создателей.

В середине 1970-х гг. начала складываться группа последователей Клиффорда Гирца, которая образовала ядро направления, получившего название *интерпретативной антропологии*. В начале 1980-х уже вокруг самой интерпретативной антропологии выросла группа сторонников, чья деятельность оказалась важной для формирования тем антропологических исследований в 1980-х–1990-х гг. Прежде всего здесь можно назвать подходы, получившие условные названия «антропология как культурная критика» (Маркус, Фишер, Клиффорд, Бун) и «экспериментальная этнография» (Агар, Лофланд, Хьюз, Ван Маанен). Но они развивались уже в русле постмодернизма – нового течения, отразившего общую тенденцию развития научной и творческой мысли последних десятилетий XX в.

Американские антропологи постмодернистской волны с энтузиазмом подхватили тезис Гирца о генетической родственности произведений литературы и этнографических исследований. Так, первой программной работой этого направ-

ления стал сборник статей, получивший название «Writing Culture», явившийся итогом конференции, проведенной в апреле 1984 г. в городе Санта-Фе, штат Нью-Мексико. Во вступительной статье к этому сборнику Джеймс Клиффорд прямо заявляет: «Мы начинаем не с включенного наблюдения или культурных текстов (предназначенных для интерпретации), но с письма, производства текстов. Уже более не являясь чем-то маргинальным или скрытым, письмо заняло центральное место в деятельности антрополога как во время работы в поле, так и после» [6, p. 2].

Вообще постмодернистское направление в культурной антропологии США подвергло критике все традиционные методологические установки этой науки: научность и объективность, эмпиризм и наблюдаемость факта, репрезентативность и авторство этнографического текста, разделение субъекта и объекта исследования. В этой связи возникли сомнения относительно возможности формирования знания о мире человеческих существ на таком же твердом основании, что и знания о мире природы. Появилась даже точка зрения, согласно которой наука о человеке вообще лишалась статуса научного знания: «Чем бы ни была антропология, это не наука, и знание, производимое антропологами, ни в коей мере не является научным. Антропологическое знание скорее интерпретативно и герменевтично, чем позитивно, скорее гипотетично, чем окончательно, зависит от времени, места и автора, а не универсально» [2, p. 263].

Попытки привлечь идеи К. Гирца в качестве аргументов, подкрепляющих подобную позицию, вызвали у их автора достаточно резкую отрицательную реакцию: «Я не считаю, что антропология не является или не может считаться наукой, что этнографии – всего лишь романы, стихи, мечты или представления, что надежность антропологического знания – вопрос не первой важности или что ценность антропологических трудов заключается исключительно в их убедительности» [2, p. 274].

Одновременно, критикуя традиционные подходы, постмодернистам пришлось предложить нечто новое взамен устаревших, по их мнению, практик. В отличие от Гирца они пришли к выводу о необходимости отказа от приема описания чужой культуры как Другой. Вместо кода Я-Другой в эвристической конструкции антропологии были предложены различные варианты более сложной конструкции («другие голоса» и т. д.). Однако эти попытки, продолжавшиеся на протяжении 1980-х–1990-х гг. и предпринимающиеся по сей день, также не получили позитивного отклика у Клиффорда Гирца [5, p. 117–118].

Таким образом, несмотря на идейную близость работ Гирца к постмодернистским течениям, было бы ошибочным относить его к адептам этого направления. Гирц, по нашему убеждению, скорее является представителем другого научного поколения периода 1960-х – 1970-х гг., проникнутого духом рефлексивного переосмысления парадигм современного познания, их либерализации, освобождения от рамок сциентизма и охваченного стремлением сблизить гуманитарные и социальные науки путем сглаживания противоречий между ними, возникших из-за искусственно установленных междисциплинарных преград. Поэтому, как замечает Гирц, эпистемологическая ипохондрия относительно возможности получения объективного и достоверного знания о формах жизни, отличных от нашей, начавшая сотрясать культурную антропологию в 1980-х гг., не была обусловлена неким «вредным» влиянием интерпретативной исследовательской программы. Она представляет собой временное явление, вызванное объективным развитием мира, где антропологи и люди, изучаемые ими, уже не так изолированы

друг от друга как прежде. Задача антропологов, подытоживает американский ученый, не отворачиваться от данной проблемы, а серьезно принимать ее во внимание и продолжать работать, не впадая в крайности [4, p. 71–72, 147–148].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
2. *Carrithers M.* Is Anthropology Art or Science? // Current Anthropology. 1990. Vol. 31. N 3. P. 263–282.
3. *Geertz C.* Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. N.Y.: Basic Books, 1983. 244 p.
4. *Geertz C.* Works and Lives: The Anthropologist as Author. Cambridge: Polity Press, 1988. 157 p.
5. *Geertz C.* Available Light: Anthropological Reflections on Philosophical Topics. Princeton: Princeton University Press, 2000. 271 p.
6. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography / Ed. J. Clifford, G. E. Marcus. Berkeley: University of California Press, 1986. 305 p.